

БУЛАТ АРСАЛ

МАРИУПОЛЬСКИЙ КОНВОЙ-РЕКВИЕМ

Булат Арсал Мариупольский конвой. Реквием

<https://litres.ru/73886048>

SelfPub; 2026

Аннотация

Война на Донбассе. Освобождённый Мариуполь, разрушенный почти до основания, и могилы-прикопки, в которых временно захоронены обычные граждане Мариуполя, погибшие в дни уличных боёв.

В брошюре собраны рассказы, написанные под впечатлениями от увиденного и услышанного в дни зачистки города. При описании драматических событий автор использовал приём художественной интерпретации, что никак не отдаляет читателя от трагической реальности.

Булат Арсал Мариупольский конвой. Реквием

Булат Арсал .

*«Земля моя, скажи мне, что с
тобой?*

*Ты часто горе видела людское,
Ты миллионы лет цвела для нас,
Но испытала ль ты хотя бы раз
Такой позор и варварство такое?»
(Герой Советского Союза Муса Джалиль)*

Мариупольский конвой.

Уже более месяца мы поднимались ежедневно в четыре утра, выезжали из Донецка командой в десять человек в Еленовку, где усаживали в три автобуса по двадцать человек военнопленных, ещё с марта ожидавших обмена. К девяти утра мы доезжали до первого блокпоста в Мариуполе, добирали в три колонны прокурорских, патологоанатомов, «труповозку» и отправлялись по разбросанным меж заводов, пустырей и оврагов руинам разрушенных микрорайонов приморского города.

Медленно продвигаясь по колдобинам некогда асфальти-

рованных проспектов, улиц и переулков в июльской пыльной жаре среди обрушенных многоэтажек и разоренных домохозяйств, мы раз за разом останавливались по маршрутной карте следования и проводили рутинную, наторелую работу. Вообще-то, главным образом работали лопатами военнопленные, предусмотрительно одетые в синюю униформу рабочих завода «Азовсталь». Раскопав очередную временную могилку, они выкладывали труп на осмотр судмедэкспертам, которые описывали под протокол состояние останков, предварительно определяли причины смерти, брали кусочки мёртвой ткани и проводили дактилоскопию. Далее труп те же пленные упаковывали в чёрные пакеты и складывали в малотоннажный грузовичок. За день в каждой группе набиралось до тридцати тел. Наша задача состояла, главным образом, в конвоировании бывших солдат и офицеров украинской армии, сдавшихся в плен, как на улицах Мариуполя, так и в цехах самой «Азовстали». Вся эта операция называлась просто: «Эксгумация временных стихийных захоронений».

После двух месяцев изнурительного боевого противостояния под Харьковом или боёв за Мариуполь и Запорожье многим бойцам нашей команды эти «поездки» поначалу казались просто прогулкой вдоль побережья Азовского моря, однако вместо свежего морского бриза нас всё время с самого первого выезда сопровождало трупное зловоние, тяжёлый дух мусорной паленины и смрадный запах горелых автомобилей шин. Напрягала настороженность и угнетённое со-

стояние мирных жителей, не готовых окончательно воспринимать нас в качестве освободителей и, где-то с сочувствием, смотревших на военнопленных, ещё несколько месяцев назад призванных в вооружённые силы Украины, гражданами которой продолжало себя ощущать ещё немалое количество мариупольских обывателей.

Нельзя сказать, что скептическая отчуждённость по отношению к нашим бойцам ощущалась повсеместно. Подавляющее большинство действительно нас ждало, и не только как спасителей, но и в качестве той самой санитарной команды, которая призвана очистить их район, квартал, двор от стихийных могил, источающих на жаре невыносимую вонь и превращающих их среду обитания в несанкционированное кладбище. Многие помогали искать захоронения, опознавать тела, сообщали известные адреса родственников, даже иногда рассказывали подробности гибели и последних мгновений жизни несчастного.

Несмотря на общий трагический конец каждого свидетельского показания, истории отличались драматизмом, многие из которых когда-нибудь могли бы стать сюжетами большого количества рассказов и повестей, посвящённых одной из самых страшных страниц многолетней войны на Донбассе.

В один из дней наша команда вошла в частный сектор с почти целиком сохранившимся жилым фондом. Семейная

чета, где супруга очевидно была истинной главой семьи, после того как мы провели эксгумацию их бабушки, погибшей от шального осколка мины, повела нас к соседнему дому. В крохотной могилке за виноградником мы нашли останки старой женщины, прожившей почти вечность среди икон и образов, скорее всего оставшихся ещё от её прапрабабушек.

...Жила она одиноко, рано овдовев и потеряв ещё в Афганскую войну единственного сына. Ей было за чьи души молить Бога на этом свете и это, видимо, было единственным и главным предназначением её жизни, а Всевышний таким даёт долгие лета.

Военные с шевронами «Правый сектор» и «Азов» с осени 2014 года периодически устраивали облавы и обыски в жилых массивах в поисках сочувствующих России или подпольщиков, но с началом наступления союзных войск наезды нацистов начали носить бессистемный и, скорее, истерический характер. Беспардонное мародёрство, как и банальный вооружённый грабёж населения, перед драпом схожи с нашествием саранчи, оставляющим после себя пустошь, а иногда и безлюдность. Так и в доме почти столетней старушки появился пьяный бородатый автоматчик с засученными рукавами и татуировкой на волосатой руке «Слава Україні!».

Соседи увидели, как «бандеровец» широким шагом вышел во двор из домика старушки, держа одной рукой перевязанные тесёмкой несколько икон в рамках. В другой руке он держал автомат с укороченным стволом, в который двумя

худенькими ручонками вцепилась бабушка, семенящая следом и тоненьким стонущим голоском горько умолявшая бовика оставить образки в доме.

– Сыночек! Родимый! Ради Господа Бога оставь образа в доме! Я же на них за тебя молиться буду!

– Пішла звідси, москальська рухлядь! – грубо бросил он через плечо и пнул женщину в живот, отчего она упала на колени, но не отпустила рук от автомата.

Бородач вырвал оружие и, передёрнув затворную раму, хладнокровно выпустил короткую очередь в лицо старухи. Потом, широко улыбаясь гнилыми остатками зубов, бросил «трофей» в кузов стоящего на дороге «Урала», куда уже сбрасывали добычу другие военные, тащившие бытовую технику, домашнюю утварь, кур, поросят и даже одежду из соседних домохозяйств.

Нацисты уехали, а во дворе давно обветшало́го дома, в пыли, свернувшись калачиком, лежало тщедушное тельце бабушки, вся вина которой перед её убийцами состояла лишь в том, что она была человеком.

...В том же посёлке, когда в Мариуполе была объявлена мобилизация в украинскую армию, Мишку-бульдозериста не тронули по причине болезни не то почек, не то печени. Для всех соседей он называл себя греком, хотя старожилы, знавшие ещё его дедушку, говаривали о цыганском происхождении Мишки, с чем он упорно не соглашался, осо-

бенно в состоянии хорошего подпития. Уважение, которым он пользовался у посельчан, было заслужено в буквальном смысле слова трудом. Его собственный трактор «Беларусь» с ковшом и скребком часто использовался окрест на приусадебных подворьях или местной администрацией при ремонте инженерных сетей. Миша, как в старом анекдоте, мог раскопать, мог закопать, а мог и улицу в редкий снегопад почистить.

Когда пришла война в город, то она не обошла и Мишкин дом. Однажды ночью во дворе раздался резкий треск автоматной очереди, хотя для всех нормальных людей Мишка давно установил на воротах электрический звонок. Площадная матерщина с лигатурой украинско-польской мовы ворвались в прихожую, сопровождаемые чесночным амбре и самогонным перегаром, не на шутку напугав детей и супругу Михаила.

Сопротивляться было бесполезно, а потому пришлось заводить трактор и под вооружённое сопровождение «азовцев» ехать на пустырь за мусорной свалкой. Где-то в заводских микрорайонах Мариуполя громыхала, стрекотала, ухала и сверкала вспышками война. На пустыре было относительно тихо до тех пор, пока не приехали Мишка на своём тракторе и какой-то самосвал в сопровождении бронетранспортёра с изображением пары зигзагов и гитлеровской свастики на борту.

Мишке приказали вырыть яму на пять-шесть ковшов, к

которой затем подъехал задом «КамАЗ» и что-то вывалил прямо в неё. Подошёл старший и, показав в сторону отвала, произнёс:

– Зарой яму і звалюй звідси.

– Мне надо осмотреть место, – сказал Миша и, соскочив с трактора, подошёл к краю, как оказалось, братской могилы.

Сзади подошёл старший из «чесночных» бородачей и, ткнув стволом пистолета в спину тракториста, приказал:

– Закопуючи без розмов і забудь. Я б тебе і так пристрелив, але ти нам ще завтра будеш потрібен.

– Там же люди шевелятся! Вон, посмотрите. Они там стоят! Это же ваши! Форма ваша! – пытался Миша пробить на чувства военного.

– Это не ваше дело. Закапывайте и уезжайте. Завтра к вам приедут так же ночью.

Мишу словно током дёрнуло, когда он вдруг услышал чистую русскую речь с чётким московским диалектом. Он обернулся. Позади бородача стоял ещё один военный, половину овала лица которого закрывала «балаклава».

– Делайте то, что вам говорят, и не задавайте лишних вопросов. Слава Украине! – сказал русскоязычный офицер и, хлопнув Мишку по плечу, удалился прочь.

...Уже под самое утро Миша поставил свой трактор у ворот дома, закрыл дверцу машины на ключ, зашёл к себе в каморку, которую устроил в ангаре как свой рабочий кабинет, где любил по субботам с соседскими мужиками обсу-

дить всякие мирские проблемы под стаканчик «первача». Но то было в иные времена. А в эту ночь он запер дверь на засов, налил полный стакан самодельной водки, начеркал карандашом записку жене и, накинув аркан на перекладину, повесился...

Изо дня в день мы продолжали свою скорбную жатву, очищая город и окрестности от мрачного наследия боёв. Недалеко от завода «Ильича» за железнодорожной насыпью нам показали очередное захоронение, скорее похожее на зарытый окоп. Догадка оказалась правильной. В первые дни боёв в этом месте действительно была расположена земляная огневая точка, возле которой расстреляли двух тридцатилетних братьев-близнецов из местных жителей, вся вина которых состояла в том, что бандеровским нелюдям подошли размеры их одежды и потребовались чужие паспорта. Так хочется верить, что Бог не дал этим тварям миновать наказания и снаряды русской артиллерии разорвали их в клочья, только вот одинокой матери, оставшейся без сыновей, легче от этого станет вряд ли.

Как успокоить душу отца, вернувшегося освободителем в родной город, где вместо семьи – разрушенный дом и общая могила жены с двумя маленькими дочками, расстрелянными по наводке соседей как семья ополченца?

Что можно сказать родственникам сотен горожан, которых «азовцы» 16 марта собрали якобы для эвакуации, забло-

кировали в здании городского драматического театра и подорвали, спешно обвинив в гибели людей русскую авиацию?

А как быть дочери, похоронившей престарелого отца, убитого украинскими десантниками только за то, что тот попросил у них парочку сигарет на русском языке, а потом не захотел кричать нацистские лозунги?

Есть ли слова, способные утешить родителей шестнадцатилетнего мальчика с синдромом Дауна, убитого выстрелом в лоб из пистолета за то, что нацистский ублюдок решил на практике реализовать евгеническую программу гитлеровцев «расовая гигиена»?

Как спится тому укροязычному снайперу, убивавшему проходя, сидя на кухне, прохожих, включая маленьких детей и прогуливающих с колясками мамаш?

Будет ли отомщён каждый из десятков тысяч убитых руками потомков бандеровцев и нацистских выроdkов, как стервятники слетевшихся со всего мира на Донбасс?

Каждый день, с каждой отрытой могилой мы задавали себе похожие вопросы, но один всё же звучал чаще других: «Какая сука, какая тварь родила этих чудовищ?!». Мы смотрели на военнопленных, пытаясь заглянуть некоторым в глаза и, быть может, увидеть в них хоть какие-то муки или угрызения совести, но, увы, перед нами сидели не «азовцы» и не «айдаровцы», а их бывшие холопы, коими считаются до сих пор насильно мобилизованные граждане Украины. Да и что могли нам поведать эти жалкие, ничтожные жертвы

собственного малодушия и трусливой робости, допустившие когда-то до власти человеконенавидящих вампиров и открытых убийц? Теперь они начинали и сами понимать, как из некогда потомков советского народа, растоптавшего коричневую чуму в Берлине в 1945 году, превратились в подневольников нового глобофашизма, оборотились в манкуртов, потерявших генетическую связь с их коренной, истинно великой национальной диаспорой, называемой русским миром. Они стали нашими врагами, а врага надо уничтожать... Уничтожать, пока он вооружён... Но перед нами стояли военнопленные, которым очень повезло, что для них война закончилась...

К началу сентября количество могил заметно уменьшилось. Мы прощались с Мариуполем в надежде увидеть его после войны, цветущим и красивым. А наши подопечные, как нам сказали позже, вскоре были обменены на наших ребят, попавших в плен к нацистским извергам, и вернулись в свои дома... Живыми и здоровыми.

Враги России всему миру пытаются внушить, что мы – русские люди – жестокие, без чести, без совести, наглые хамы, не имеющие в душе даже намёка на великодушие и доброту. Возможно, что русский характер во многом парадоксально сложный, не всегда последовательный и трудно объяснимый. Чего в нём только нет. Мы и сами себе часто удивляемся. Но разве мы-то с вами не знаем, что сердце наше-

го народа в первую очередь состоит из мужества, терпеливости, религиозности, верности и гуманной доброты. Именно гуманной доброты, сводящей на «нет» злопамятность, смягчающей при встрече даже сильную ненависть к вчерашнему врагу, когда душевная мягкость, доводит до самоосуждения, порицания самого себя за жестокое отношение к побеждённому врагу. А сердце народа – это и есть сердце каждого солдата.

Сердце русского народа – это и есть сердце каждого русского солдата. Каждого русского солдата, какой бы национальности он ни был.

Мариуполь, Донецк. 2022-2023 г.

Бантики на асфальте.

Солнышко заглянуло в окошко и ярким бликом брызнуло в голубые глазки маленькой белокурой «кудряшки», которая тут же закрыла пухлыми ручонками румяное личико.

– Ой! Бабуля! Мне солнечный зайчик пливет пеледал!

– Вот видишь, как тебя утро ласкает, Оленька?! – ответила седовласая пожилая женщина, нежно выравнивая расчёской запутавшиеся белые локоны внучки.

– Это меня солнышко с доблым утлом поздравляет от мамы и папы. Плавда, бабушка?

– Конечно, малыш, они тебя очень любят и помнят, – чуть дрогнувшим голосом ответила бабушка, мельком стряхнула накатившую слезу, поцеловала девочку в макушку и продол-

жила, как можно нежнее, вычёсывать сбившиеся за ночь на подушке волосы девочки.

– Бабуля, а почему они мне не сказали, что уезжают и не лазбудили меня? У папы снова командировка нарисовалась?

Ушло мгновение, прежде пока женщина, проглотив ком в горле, смогла еле дрожащим голосом ответить:

– Оленька, они так спешили и просто не хотели тебя будить. И почему командировка обязательно должна была «нарисоваться»?

– А это мама так говорит, когда папа слочно уезжает или не плиходит с лаботы.

– Это мама так шутит, маленькая моя. Папа твой инженер и рисует только чертежи.

– А я знаю, где папа лаботает! Вот! – гордо заявила Оля и чуть скривила рожицу в хитрой улыбке. – Он льёт железо на огломном заводе, котолый на самом белегу моля... Бабуля, а как наше моле называется?

– Азовским морем называют. И завод называется «Азов-сталь»...

– Лазье в моле льётся железо? Там ведь вода клугом те-чётся?

Бабушка закончила работу над причёской маленькой принцессы, завязав на макушке два белых банта, нежно приобняла внучку, расцеловала в обе пухлые щёчки, полюбовалась в зеркало своей работой и помогла девочке ступить со стула на коврик.

– Иди уже к себе в спальню и не задавай вопросов, на которые нужно долго отвечать. Нам с тобой надо ещё собираться в дорогу.

Девочка послушно потопала к себе в детскую, а когда за ней закрылась дверь, пожилая женщина обеими руками зажала рот и, еле сдерживая нахлынувшие слёзы, выталкиваемые глухим грудным рыданием, бросилась в ванную комнату, где тут же открыла кран и под шум воды, наконец, позволила себе зарыдать в голос...

Оля уже заканчивала складывать в розовый чемоданчик самые важные игрушки, которые она привыкла собирать в дорогу на дачу или в путешествие с родителями, когда в комнату зашла бабушка и уже успокоившимся тоном сказала:

– Внученька, сегодня в дорогу мы возьмём только самое важное, потому что папы с его машиной не будет и нам придётся чуточку пройтись пешком, а потом нам дадут автобус, где будет много деток, которые, я надеюсь, так же не станут брать с собой много вещей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.